

УДК 316.733:723

*К.Н. Обухов***ВОСПРИЯТИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЕКТОВ ЖИТЕЛЯМИ СЕЛА:
ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ¹**

Обоснована необходимость комплексного исследования влияния этнокультурных проектов на развитие села, прежде всего с точки зрения восприятия этих проектов самими жителями. Нацеленность администраций сельских поселений и региональных властей на развитие этнокультурного туризма связана с необходимостью привлечения инвестиций в село. При этом экономическая целесообразность таких проектов не всегда очевидна, а сам их потенциал часто преувеличен. В ситуации с Удмуртской Республикой инициатива развития проектов не всегда связана с региональными и местными властями, она может исходить и от сельских активистов, которые стараются развивать собственные социальные и экономические возможности за счет аккумуляции внутренних и привлечения внешних ресурсов. В этой ситуации остается неясной позиция обычных жителей сельских поселений, которые могут быть задействованы в реализации проектов. В статье представлена комплексная методика оценки восприятия этнокультурных проектов жителями села. Показано, что общая поддержка связана с пассивным одобрением действий и минимальным участием в самих проектах. При этом ресурсы, которые могут быть сгенерированы туристическим потоком, практически не аккумулируются простыми жителями. Высокий общий уровень позитивного восприятия проектов скорее связан с надеждой на привлечение государственных средств. Наибольшую поддержку туристические проекты находят среди людей с высшим и неоконченным высшим образованием, пенсионеров, работников сферы культуры и торговли, этническая принадлежность практически не влияет на уровень заинтересованности в развитии проектов.

Ключевые слова: этнокультурные проекты, развитие села, учреждения культуры, туристические программы, сельские сообщества.

Введение

Финансово-экономические особенности положения большинства регионов России обращают региональные власти и администрации к поиску дополнительных источников финансирования бюджетов. Особенно проблематичным является привлечение финансирования в социальную сферу [1. С. 12]. Сельские территории «нечерноземных» регионов испытывают наибольшие трудности в поиске дополнительных ресурсов внебюджетных вливаний, что неизбежно сказывается на положении населения [2. С. 130]. Общая ориентация на развитие сервисной экономики в современной России, при общем упадке моногородов и небольших поселений, обращает муниципальные власти к попыткам развития туристического сектора экономики, что находит отклик со стороны федеральных и региональных властей [3. С. 5-14]. Сельский образ жизни, утраченный или забытый в процессе урбанизации, превращается в определенную экзотику для городского населения [4. С. 420]. Для ряда республик России их этнический состав является определенным символическим и культурным капиталом, в ситуации грамотного управления которым появляется возможность по привлечению горожан к посещению определенных сельских мест [5. С. 61]. Сам процесс этнизации туризма не является новым для России [6. С. 27], по сути, он идет с незначительным запаздыванием относительно процессов формирования международных этнических маршрутов и достопримечательностей [6; 7]. Но именно в последние пять лет в Удмуртии происходит интенсивное развитие этнических сельских проектов, ориентированных на генерацию туристического потока.

Этнокультурные проекты, реализуемые на территории Удмуртии, носят различный характер [9]. Инициаторами подобных проектов выступали и выступают разные заинтересованные в развитии сельских поселений группы и агенты: региональные власти, представители муниципальных органов власти, сельские активисты, работники сферы культуры, коммерчески ориентированные жители села, частные лица, заинтересованные в проектной деятельности [4. С. 421]. При этом степень вовлечения жителей села в реализацию подобных проектов остается не до конца ясна, как и не ясно, какие непосредственно возможности, возникающие в процессе реализации этнических проектов, востребованы со стороны сельского населения.

¹ Статья выполнена в рамках исследовательского проекта Роль этнокультурных проектов в развитии сельских поселений в Удмуртской Республике, поддержанного грантом РФФИ (17-13-18002).

Методика исследования

С целью прояснения восприятия жителями села реализуемых на их территории этнокультурных туристических проектов был организован уличный опрос. Всего обследованию были подвергнуты 4 сельских поселения: Быги, Карамас-Пельга, Бураново, Сеп. Выбор указанных сельских поселений был связан с тем, что на их территории успешно реализуются продолжительное время туристические этнокультурные проекты, которые привлекают туристический поток [4. С. 422]. Эти сельские поселения незначительно отличаются по численности населения (приблизительная численность – 600 человек, при этом достоверность данных администраций поселений вызывает сомнение). Для получения интересующих данных был выбран метод уличного опроса с использованием стихийной выборки. Опрос производился с 8 по 20 ноября 2017 года в обеденные и околообеденные часы в местах наибольшего скопления людей (почта, администрация, дом культуры, магазины, школа, детский сад, места работы), в некоторых случаях осуществлялся обход улиц в поисках респондентов. Параллельно проведению опроса осуществлялся общий подсчет количества частных домов на территории поселения для примерной оценки количества домохозяйств.

В итоге было опрошено 365 человек из 4 поселений (с учетом численности населения может быть задан общий доверительный интервал на уровне 4,76 при доверительной вероятности в 95 %). Общая доля респондентов из каждого поселения в структуре выборки различается от 20 % до 30 % (наименьшая доля опрошенных проживает в Сепе, наибольшая доля – в Карамас-Пельге), что согласуется с общей численностью домов на территории сёл. Половозрастная структура, полученная в результате опроса, также имеет особенности: общее преобладание женщин (66 % против 34 %), общее смещение возраста опрошенных респондентов в сторону больших значений (средний возраст – 48,5 года, при стандартном отклонении 13,22 года и асимметрии, равной $-0,037$). Данные особенности сохраняются внутри всех 4 сельских поселений, что связано с общей демографической ситуацией на территории Удмуртии [10]. Учитывая структуру полученных в результате опроса данных, а также цель и задачи исследования, можно говорить о сохранении репрезентативности выборки для указанной совокупности сельских поселений.

Анкета опроса включала в себя пять крупных блоков вопросов, которые были связаны с ключевыми задачами исследования. Первый блок – вводный, содержал в себе вопросы, носящие ознакомительный характер, связанные с получением общей информации: пол, возраст, тип занятости, состав семьи, уровень образования, продолжительность проживания на территории. Второй блок касался вопросов, связанных с общей оценкой ключевых параметров социальной и коммерческой инфраструктуры сельских поселений. Третий блок был связан с выяснением общей социальной активностью респондентов. Четвертый блок был ориентирован на установление принадлежности к определенным этническим группам, степени вовлечения в этнические практики. Пятый блок включал в себя основную оценку хода реализации этнических туристических проектов, определение уровня включения респондентов в этнические проекты и во взаимодействие с туристами.

Соответствующие блоки анкет не только подлежали интерпретации с точки зрения конкретных ответов респондентов, но и предполагали комплексный анализ в виде совокупности сложных шкал. Каждая сложная шкала была направлена на создание индикатора, способного в агрегированном виде представить ключевые параметры исследования. По результатам обработки данных всего было создано 3 сложные шкалы: шкала мобильности, шкала социальной активности, шкала этнической интеграции. Все шкалы получались путем суммирования показателей, которые кодировали определенный вариант упорядоченной порядковой шкалы или номинальной шкалы при ответе на вопрос.

Общая шкала мобильности состояла из группы вопросов, которые показывали способность человека перемещаться в различных социальных пространствах с различными целями. В данном случае анализировалась исключительно пространственная мобильность для оценки способности респондентов включаться в системы переноса определенных социальных практик в «центр-периферийной» модели распространения социальных инноваций [11. С. 21]. В построении шкалы участвовала следующая группа вопросов: «Обучались ли Вы за пределами Вашего села?», «Как часто Вам приходится выезжать в райцентр / в ближайший город / в Ижевск / за пределы УР / в МСК или СПб / за границу?», «Ездили ли Вы куда-то на отдых за последние 3 года?». Каждый вопрос предполагал упорядоченный порядковый тип шкалы, где наименьшее значение мобильности кодировалось единицей, а наибольшее – пятью баллами.

Общая шкала социальной активности состояла из группы вопросов, которые показывали способность человека включаться в различные практики взаимодействия. В данном случае анализировались различные характеристики социальной активности: от дружеских связей до участия в местном самоуправлении. В построении шкалы участвовала следующая группа вопросов: «Много ли у Вас в селе ХОРОШИХ друзей?», «Принимаете ли Вы или члены Вашей семьи участие в местном самоуправлении?», «Участвуете ли Вы в мероприятиях, которые организуются для туристов?». Каждый вопрос предполагал упорядоченный порядковый тип шкалы, где наименьшее значение участия в той или иной социальной практике кодировалось единицей и далее по увеличению «выраженности» признака. Чувствительность шкал для этой группы вопросов различалась от 4 до 6 единиц.

Наиболее проблематичной в данном исследовании являлась шкала этнической интеграции. Данная сложная шкала была связана исключительно с принадлежностью к удмуртской этнической группе. При этом замерялась совокупность параметров, которые были призваны выразить уровень этнической интеграции: самоидентификация, знание языка, использование языка при домашнем общении, использование языка в рабочей обстановке, следование традициям и обрядам удмуртов, сохранность предметов национального быта. Так как большинство из перечисленных параметров в опросной анкете были связаны с номинальным типом шкалы, непосредственное отнесение себя к удмуртам, знание языка, его использование в повседневности и рабочей обстановке, сохранение традиций и предметов быта кодировались через единицу, а отсутствие признака по этим характеристикам кодировалось через ноль. В последующем все изучаемые характеристики подлежали суммированию, тем самым и определялся уровень этнической интеграции. Результаты, полученные по этой шкале, являются оценочными.

Описание основных результатов исследования

Как было показано выше, для уточнения этнической и локальной идентичности были использованы стандартные вопросы, связанные с оценкой распространения языков, формального сохранения приверженности определенным этническим обрядам и традициям, изучались включенность людей в сети коммуникации на селе и желание переезда в другие населенные пункты. Во всех селах опроса в выборку попали респонденты, которые проживают на селе более 10 лет или всю жизнь (доля живущих менее 10 лет по сёлам колебалась в пределах 4–7 % от ответивших на соответствующие вопросы), при этом наименьшая доля проживающих всю жизнь на селе зарегистрирована в Бураново (67 %) и Сепе (56 %). Одновременно с этим была зарегистрирована общая установка на проживание в своем селе у подавляющего большинства опрошенных жителей, о желании переехать в другой населенный пункт Удмуртии или России сообщили лишь 15 % опрошенных (эти показатели незначительно различаются по селам, в пределах погрешности). Ведущими причинами для переезда являются экономические причины: найти хорошую работу (43,9 % от ответивших на вопрос), повысить уровень жизни (33,3 %), заработать деньги (14 %).

Вопрос, связанный с определением принадлежности респондента к этнической группе, показал, что подавляющее большинство опрошенных респондентов во всех селах являются удмуртами (более 85 % по всей выборке). При этом существовали незначительные отличия самоотнесения к определенным этническим группам внутри сёл. Так, для Бураново характерно то, что 10,7 % респондентов заявили, что они относят себя частично к удмуртам, частично к русским (по всей выборке 5 %), в Карамас-Пельге более четко обозначена группа респондентов, которые себя относят к полностью русским – 12,4 % (по всей выборке 7,3 %). Подобная картина самоотнесения и этнической идентификации находит свое отражение и в распространенности языков. Несмотря на то что подавляющее большинство респондентов знают русский язык и могут на нем общаться (более 95 % во всех селах), лишь для чуть менее четверти респондентов по всей выборке он является основным в повседневном общении дома. В рамках сёл существуют особенности использования языка в повседневном домашнем общении: чаще всего русский язык используют в Бураново (36,5 % респондентов) и Карамас-Пельге (25,7 %), реже всего – в Быгах (19,1 %) и Сепе (17,3 %). При этом русский язык чаще используется на работе: 48,5 % для Карамас-Пельги, 38 % для Бураново, 31,8 % для Сепе и 25 % для Быгов. Во всех исследуемых селах респонденты заявляли, что в подавляющем большинстве случаев (более 80 % респондентов) их односельчане используют удмуртский язык для общения в качестве основного.

В меньшей степени удмуртская этническая идентичность находит свое отражение в сохранении предметов быта, нарядов и определенных семейных обрядов/традиций. При этом картина сохранения

различных национальных элементов неоднородна по селам. Так, удмуртские национальные наряды и предмета быта сохранились в семье у 74,4 % опрошенных респондентов в Бураново, 66,7 % – в Карамас-Пельге, 59,3 % – в Быгах и 47,3 % в Сепе. Обряды и традиции представлены в семьях у меньшего кол-ва респондентов: 51,5 % – в Карамас-Пельге, 47,7 % – в Быгах, 42,1 % – в Бураново, 37,9 % – в Сепе. Таким образом, в большей степени люди сохраняли предметы быта и наряды, чем символические действия и обряды.

Для общей оценки степени включенности респондентов в сети коммуникации на селе задавался вопрос относительно наличия определенного количества хороших друзей. В целом была зарегистрирована общая ориентация на высокий уровень включения в дружеские связи (более 50 % опрошенных респондентов заявили, что у них много хороших друзей на селе), но она выражена неравномерно в тех или иных поселениях: наименьшее кол-во людей с большим числом друзей зарегистрировано в Быгах (47,8 %) и Бураново (50 %); при этом для Быгов характерна тенденция смещения ответов респондентов в сторону общей оценки кол-ва друзей на уровне 1–2 человек (20,7 %), для Бураново – 3–5 хороших друзей (18,6 %). Соответственно, можно говорить о большей дружеской сплоченности в Карамас-Пельге и Сепе, меньшей сплоченности в Быгах и Бураново.

Уровень вовлеченности селян в сельскую жизнь выявлялся за счет вопросов, связанных с вовлеченностью в местное самоуправление и туристические проекты, развиваемые на селе. Чуть менее половины респондентов, принявших участие в опросе, не принимают никакого участия в местном самоуправлении (45 % по всей выборке), с учетом формальной вовлеченности в местное самоуправление (участвуют в сельских сходах, но не высказывают свое мнение) этот показатель возрастает до более чем 65 %. В целом по селам не существует значимых различий по этому показателю, за исключением одного сельского поселения – Бураново, для него характерны большая индифферентность и формализм в участии в местном самоуправлении (78 % опрошенных респондентов). Соответственно, лишь около трети респондентов в селам Быги, Карамас-Пельга и Сеп активно вовлечены в процессы самоуправления.

Ситуация с вовлечением в деятельность различных этнических проектов и мероприятий на селе показывает большую заинтересованность селян. В рамках этой деятельности существуют и более четко выраженные особенности в поведении респондентов относительно села. Так, наибольшая вовлеченность селян в различные мероприятия характерна для Быгов (лишь 34,4 % опрошенных жителей села не принимали участие в мероприятиях) и Бураново (41,6 %), наименьшая вовлеченность наблюдается в Сепе (50 % респондентов из села не участвовали в мероприятиях) и в Карамас-Пельге (68,7 % жителей села, причем 40,9 % заявили, что мероприятия им абсолютно не интересны). При этом для Быгов характерна и наибольшая доля жителей, которые активно вовлечены в проведение мероприятий (42 % опрошенных участвовали в них в качестве волонтеров или организаторов), для Сеп эта доля падает до 28,4 %, для Бураново – до 26,2 %, для Карамас-Пельги – до 19,1 %.

Местные жители различных поселений по-разному воспринимают влияние мероприятий на их жизнь и общение. Так, для жителей Бураново и Сеп такие мероприятия – это в первую очередь повод пообщаться с жителями своего же села (70,4 % и 66,2 % ответивших на вопрос соответственно; в целом этот ответ доминирует по всем сельским поселениям), для Бураново и Быгов в большей степени значимым является возможность пригласить родственников и друзей из других поселений (42,6 % и 40,3 % соответственно), для Бураново, Быгов и Карамас-Пельги подобные мероприятия являются также поводом для общения с приезжими (48,1 %, 44,4 %, 44,8 % соответственно). Жители Сеп чаще остальных говорят о том, что мероприятия никак не влияют на их общение (23,1 % респондентов).

Ситуация с взаимодействием с туристами незначительно отличается от ситуации с вовлечением в туристические проекты, мероприятия и праздники. Наибольшая доля респондентов, которые не общаются с туристами, зарегистрирована в Карамас-Пельге (51,9 % от ответивших на вопрос), для Быгов этот показатель равен 41,5 %, для Бураново – 31,7 %, для Сеп – 28,4 %. Наиболее интенсивно общение между туристами и жителями происходит в Быгах (14,9 % опрошенных постоянно общаются с приезжими) и Сепе (12,2 %). При этом подавляющее большинство жителей относятся скорее положительно к приезжающим туристам (85,3 % – Сеп, 78,3 % – Быги, 68,2 % – Карамас-Пельга, 57,9 % – Бураново), негативные ответы встречались в единичных случаях. Эта же ситуация фиксируется относительно возникающих с туристами проблемами: в Сепе, Карамас-Пельге и Быгах зарегистрированы единичные случаи сообщения о проблемах с туристами.

Относительно положительный опыт взаимодействия с туристами приводит к тому, что жители поселений в целом склонны позитивно воспринимать финансовые вложения в туристическую инфра-

структуру села (всего по выборке более 65 % высказались одобрительно на вопрос о вложении финансовых средств в привлечение туристов). При этом наиболее позитивно воспринимают вложения в туристическую инфраструктуру в Сепе и Быгах, наименее позитивно – в Бураново и Карамас-Пельге (14,3 % и 14,7 % противников таких вложений соответственно). Вовлеченность жителей сёл в реализацию туристических проектов прежде всего связана с приглашением людей в село (14,6 % опрошенных), устройством туристов у себя дома (12,1 %), помощью в организации и проведении мероприятий для туристов (9,9 %), продажей сувениров и самодельных предметов (8,2 %), продажей продуктов со своего участка (6,2 %). Стоит отметить, что 62,3 % опрошенных не вовлечены в практики личного взаимодействия с туристами на экономическом или организационном уровне.

Социальные особенности поддержки этнокультурных проектов на селе

Общие высокие показатели одобрительного отношения селян к практике привлечения туристов и вложения в туристическую сферу муниципальных и государственных средств контрастируют с низкими показателями непосредственного личного взаимодействия с туристами в организационном и экономическом плане. Как и следовало ожидать, наиболее интенсивно с туристами взаимодействуют представители социальной сферы (которые часто вовлечены в организацию и проведение мероприятий в силу своего рабочего положения), торговли, жители с высшим образованием, пенсионеры. Эти же группы будут в большей степени выступать за поддержку развития туризма на селе, одобрять вложение финансовых средств в туристическую инфраструктуру. Обращает на себя внимание тот факт, что поддержка развития туристической инфраструктуры не зависит от этнической принадлежности респондента по шкале самоотнесения: русские и удмурты в одинаковой степени заинтересованы в развитии и продвижении этнических проектов на селе для привлечения туристов.

Более комплексный анализ с привлечением сложной шкалы этнической интеграции демонстрирует наличие определенных этнических особенностей в поддержке и реализации этнических проектов. По результатам статистического анализа шкалы этнической интеграции необходимо уточнить, что минимальное значение шкалы было зафиксировано на уровне 0 (человек не интегрирован в удмуртскую этническую группу), максимальное – 7 (максимальная интеграция в удмуртскую этническую группу). Среднее и медианное показатели распределения совпали на уровне 5 баллов. С учетом того, что выбранные для исследования сельские поселения были преимущественно удмуртскими, было получено асимметричное распределение (асимметрия = $-1,2$) с четким смещением в сторону больших значений на шкале. Модальное значение по шкале находится выше среднего и медианного значения на один балл. Таким образом, более половины опрошенных респондентов демонстрируют средние и высокие показатели этнической интеграции. Показатели по шкале этнической интеграции положительно коррелируют с ответами респондентов об интенсивности взаимодействия с приезжающими туристами (кор. Спирмена = $0,339$, $p=0,0001$) и с отношением к тому, что в село стали приезжать туристы (кор. Спирмена = $0,143$, $p=0,008$). Соответственно, чем больше человек интегрирован в удмуртскую этническую группу, тем более интенсивно он взаимодействует с приезжающими туристами и более позитивно относится к факту их приезда. При этом была зафиксирована слабая положительная взаимосвязь между этнической интеграцией и одобрением финансовых вложений в туристическую инфраструктуру, но она была статистически не значима (кор. Спирмена = $0,104$, $p=0,076$).

Комплексный анализ социальной активности селян выявил ряд более существенных особенностей. По результатам статистического анализа шкалы социальной активности необходимо уточнить, что минимальное значение шкалы было зафиксировано на уровне 4 (человек не проявляет социальной активности даже в формальном виде), максимальное – 17 (максимальная социальная активность на всех уровнях). Среднее и медианное показатели распределения совпали на уровне 10 баллов (среднее = $10,35$). Распределение баллов по этой шкале тяготеет к нормальному (асимметрия = $0,032$) с минимальным смещением в сторону меньших значений по шкале. Модальное значение по шкале находится ниже среднего и медианного значений и равняется 8 баллам. Показатели по шкале социальной активности положительно коррелируют с показателями интенсивности взаимодействия с туристами (кор. Спирмена = $0,698$, $p=0,0001$), показателями отношения к тому, что в село стали приезжать туристы (кор. Спирмена = $0,33$, $p=0,0001$) и с отношением к финансовым вложениям в туристическую инфраструктуру (кор. Спирмена = $0,312$, $p=0,0001$). Соответственно, при высокой социальной активности респондента возрастает и уровень его поддержки туристических проектов, а социальные активисты по факту являются сторонниками реализации этнических проектов на селе.

Комплексный анализ шкалы пространственной мобильности селян не выявил существенных и статистически значимых зависимостей, что может быть связано с общим низким уровнем пространственной мобильности селян. По результатам статистического анализа шкалы пространственной мобильности необходимо уточнить, что минимальное значение шкалы было зафиксировано на уровне 8 (человек не осуществляет пространственную мобильность даже в формальном виде), максимальное – 33 (максимальная пространственная мобильность). Среднее значение распределения равнялось 17,37, медианное значение равнялось 18. Распределение баллов по этой шкале тяготеет к нормальному (асимметрия = 0,207) со смещением в сторону меньших значений по шкале. Модальное значение по шкале находится выше среднего и медианного значений и равняется 20 баллам. Была выявлена только одна слабая положительная и статистически значимая взаимосвязь между шкалой социальной мобильности и уровнем взаимодействия с туристами (кор. Спирмена = 0,196, $p=0,012$). Соответственно, чем более мобилен человек, тем более интенсивно он взаимодействует с туристами.

Заключение

Таким образом, можно говорить о высоком уровне формальной поддержки этнических туристических проектов жителями села, но низком уровне включенности селян в организационные и финансовые практики взаимодействия с туристами. Подобная поддержка более значима со стороны представителей работников социальной сферы, торговли, пенсионеров, работников с высшим образованием. Высокий уровень социальной активности сельского жителя положительно связан с высоким уровнем всесторонней поддержки туристических проектов, в том числе на содержательном уровне. Высокий уровень интеграции в удмуртскую этническую группу слабо положительно связан с уровнем поддержки туристических проектов. Представители этнических групп скорее в большей степени склонны активнее взаимодействовать с туристами, нежели однозначно одобряют их приезд или выступают за увеличение финансирования туристических проектов. Показатели социальной мобильности селян практически не связаны с уровнем поддержки туристических проектов, при этом селяне с высокими показателями пространственной мобильности могут являться определенным социальным и культурным ресурсом в развитие этнокультурных проектов за счет перенесения позитивных социальных практик из более развитых поселений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зубаревич Н. Социально-экономическое развитие и состояние бюджетов регионов в 2017 году // Мониторинг экономической ситуации в России. № 1 (62) Январь 2018 г. С. 6-14.
2. Виноградский В.Г., Виноградская О.Я. Опыт воспроизводства жизни в крестьянских дискурсах // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 129-137.
3. Юдин Г.Б., Колошенко Ю.А. Стратегии производства туристического опыта в малом городе: локальное сообщество и символическое конструирование в г. Мышкин // Лабиринт. Журн. социально-гуманитарных исследований. 2014. № 5. С. 5-14.
4. Власова Т.А. Ресурсы развития этнокультурных проектов в селах Удмуртской Республики // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1, вып. 4. С. 419-428.
5. Богатова О.А. Социальные технологии управления республиканской и российской идентичностью в оценках населения Республики Мордовия: опыт качественного социологического исследования // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1, вып. 1. С. 54-70.
6. Малахов В. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 200 с.
7. Макканелл Д. Турист. Новая теория праздного класса. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 280 с.
8. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
9. Пчеловодова И.В. Традиционные календарные обряды удмуртов в условиях современной деревни (на примере Граховского района Удмуртской Республики) // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2015. Т. 25, вып. 6. С. 109-113.
10. Возрастно-половой состав населения МО УР на 1 января 2017 года. URL: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 24.03.2018).
11. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология 21 века. М.: Логос, 2003. 368 с.

K.N. Obukhov

**HOW RURAL PEOPLE PERCEPT ETHNO-CULTURAL PROJECTS:
EFFORTS OF RESEARCH IN THE TERRITORY OF UDMURTIA**

The article substantiates the necessity of a complex research to show how ethno-cultural projects affect the rural areas development, primarily from the point of view of these projects perception by the residents of rural areas. Rural administrations and regional authorities' willingness to develop ethno-cultural tourism requires bringing the investments into the rural areas. However, economic feasibility of such projects is not always evident, and their potential is often exaggerated. In case of Udmurtia, the initiative of projects development does not always come from the regional and local authorities, the projects may also be initiated by rural activists trying to develop their own social and economic potential through accumulation of internal, and attraction of external, resources. In this situation, the position of common rural residents remains unclear although they may be involved in projects implementation. The article provides a complex method of evaluation of ethno-cultural projects perception by rural people. The article shows that general support manifests in passive approval of actions and minimum participation in the projects. At the same time, local people almost never accumulate the resources that may be generated by tourist traffic. High general level of positive perception of projects results mainly from the hope to attract governmental financing. People with higher and incomplete higher education, retired people, and people working in culture and commerce mostly support the touristic projects; ethnic origin does not affect the level of interest in projects development.

Keywords: ethno-cultural projects, rural development, cultural institutions, tourism programs, rural communities.

Обухов Константин Николаевич,
старший преподаватель кафедры социологии
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 6)
E-mail: fagotfrosch@gmail.com

Obukhov K.N.,
Senior lecturer at Department of Sociology
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/6, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: fagotfrosch@gmail.com